

«Благочиние» в действии: кто и как попал
в смиренный и рабочий дома Москвы
в конце XVIII в.*

Книга А.Б. Каменского «Повседневность русских городских обывателей», исследующая город Бежецк и его обитателей первой половины—середины XVIII в., представляет собой одну из первых работ по изучению или, точнее сказать, реконструкции исторического ландшафта российского города раннего Нового времени. В этом же ряду находится монография О.Е. Кошелевой «Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени»¹. Направление исследований, представленное работами Каменского и Кошелевой и именуемое антропологической урбанистикой, подразумевает изучение микроскопа общины, многообразия человеческих общностей, неформальных и формальных групп, различных ассоциаций и корпораций².

Важное достижение упомянутых исследований Каменского и Кошелевой заключается и в том, что в них обычным, лишенным своего «голоса» в истории людям «вернули речь»³ и тем самым по словам американского историка Я. Коцониса, наделили их властью⁴. Подобный же

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

¹ Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.

² Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 17.

³ О.Е. Кошелева пишет об «отголосках» речи людей в челобитных и допросах, сохранившихся в судебных материалах. См.: Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова... С. 18.

⁴ Kotsonis Y. Ordinary People in Russian and Soviet History // Kritika. 2011. Vol. 12. № 3. P. 739–754 [Review]. Коцонис считает, что для историка важно учитывать опыты людей, считавшихся «обычными» (*ordinary*), поскольку повседневность этих людей, увиденная через правильный «объектив», делает их в своем роде выдающимися (*extraordinary*).

опыт предпринял недавно и Е.В. Акельев, исследуя преступную среду Москвы 30–40-х гг. XVIII в.⁵ Анализируя следственные дела Сысского приказа, он сумел передать специфику повседневной жизни и «речь» профессиональных московских воров и доказать, что в московском социуме «профессиональная воровская среда» сложилась в ходе петровских реформ и модернизации, а составили ее представители новых социальных групп (фабричные, малолетние солдатские сироты, беглые солдаты)⁶.

Впервые в современной историографии попытку проанализировать еще один сегмент московского населения XVIII в., который обычно находился вне поля зрения историков, предприняла Н.В. Козлова в монографии «Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века». В своем исследовании она сосредоточила внимание на церковно-приходском призрении (не затрагивая учреждений, находившихся в ведении полиции, а затем приказа общественного призрения). Этот историографический опыт Н.В. Козловой особенно примечателен тем, что историк анализирует не историю учреждений, а самих субъектов социальных процессов — нищих, больных, скитальцев, возвращая им «их речь»⁷.

В настоящей работе также предпринята попытка изучения некоторых аспектов повседневной жизни представителей городских низов, чье присутствие в городе было весь-

⁵ Акельев Е.В. Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в.: сравнительно-историческое исследование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 2009; Он же. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.

⁶ Акельев Е.В. Социальный портрет московского «мошенника» XVIII в. (по материалам следственных дел по доносу Ивана Каина, 1741–1748) // Человек в культуре русского барокко: Сб. статей по материалам международной конференции, ИФ РАН Москва, 28–30 сентября 2006 г. М., 2007. С. 518.

⁷ Козлова Н.В. Нетрудоспособное население Москвы и его социальное обеспечение в XVIII в. (к постановке проблемы) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. 2004. № 4. С. 32. Автор указывает: предметом исследования должны стать «сами жители столицы», «требующие заботы», а в его центре должен находиться «механизм определения их в богадельни, социальный и половозрастной состав богаделенных нищих».

ма заметным, а статус — маргинальным. Объектом нашего исследования стали прежде не изучавшиеся историками документы из фонда московской полиции — Управы благочиния⁸, созданной вследствие реформ системы управления в 1770—1780-е гг. В результате анализа приблизительно 80 однотипных дел, завершавшихся отправкой обвиняемых в смиренный или работный дома на сроки, как определенные Уставом благочиния, так и произвольные, удалось собрать данные о том, кто и почему попадал в поле зрения полицейских, установить, за какие правонарушения задержанных на улицах Москвы отправляли в исправительные учреждения, как реализовывалось предписанное законами наказание, куда отбывшие исправительные работы отправлялись после освобождения. В целом исследуемые материалы позволяют судить о том, какая социальная среда и как формировала повседневное поведение обитателей смиренного и работного домов, реконструировать своего рода «социальный мир» этих учреждений⁹.

Проблема изучения и реконструкции «социальных миров» в России Нового времени заключается в сложности, а порой и невозможности определения социальных границ ме-

⁸ ЦИАМ. Ф. 105.

⁹ Ранее я уже обращалась к изучению одного из «социальных миров» империи — микромиру обитателей Странноприимного дома графа Шереметева в Москве в первые годы XIX столетия: *Лавринович М.Б.* Социальный капитал vs социальное дисциплинирование: Шереметевский Странноприимный дом и его обитатели в 1810–1811 гг. // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert Nr. 2 (2009). Режим доступа: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/Lavrinovic_Seremetev-Armenhaus/#sdfootnote5anc, свободный (дата обращения 09.02.2014). Гендерный аспект социально-исторической проблематики XVIII в. поднимается в работе И.А. Ролдугиной о Калининской комиссии и заключенных Калининского дома. Автор сосредоточивается на дисциплинарных практиках, впоследствии развившихся в государственную систему контроля над людьми с девиантным поведением, в то время как наша работа сконцентрирована на повседневных практиках маргинализованных городских страт. Из недавних работ о бедности в Новое время следует назвать следующую: Барлова Ю. «Обращаться с ними по еуропскому обычаю»: дискурс виновности и проблема профессионального нищенства в восприятии и оценках бедности в России в Новое время // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.): Сб. ст. / Под ред. М.Г. Муравьевой. СПб., 2011. С. 80–98.

жду группами населения¹⁰. В одной семье могли жить люди, имевшие разный статус, а один человек мог быть включен более, чем в одну категорию¹¹. Кроме этого, как показывает в своей работе Э. Виртшафтер, формальное положение было нетрудно изменить, что свидетельствует о постоянной социальной, экономической, юридической и географической подвижности русского общества¹². Однако общее справедливое заключение о социальной «подвижности» получает дополнительные обоснования, если обратиться к источникам, раскрывающим индивидуальные судьбы субъектов социальных процессов. Такими источниками чаще всего оказываются следственные дела. В них помимо формальных данных о социальных ролях и статусах обвиняемых (того, что в социальных науках именуется приписыванием идентичности через классификацию¹³) можно «расслышать» подлинные речи индивидов, имевших свои драматические истории и жизненные стратегии.

Источники из фондов московской Управы благочиния оказываются весьма насыщены информацией о социальных процессах, происходивших в «низах» городского общества, но документы смирительного и работного домов и следственные дела их «обитателей», помещенных в эти учреждения за нарушение правовых и социальных норм и границ, представляют для историко-антропологического исследования специальный интерес.

Отметим, что историография, если и обращается к этим институциям, то описывает их как учреждения едва ли не благотворительные¹⁴. Между тем создание смири-

¹⁰ *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Пер. с англ. Т.П. Вечериной; под ред. А.Б. Каменского. М., 2002. С. 177.

¹¹ Там же. С. 109.

¹² Там же. С. 128.

¹³ См., напр.: *Хархордин О.В.* Прагматический поворот: Социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. №1. С. 34; *Волков В., Хархордин О.* Теория практик. СПб., 2008. С. 227.

¹⁴ Это характерно для дореволюционной и отчасти постсоветской историографии. См.: *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010. С. 193 (здесь автор отчасти следует этой традиции истории

тельного и работного домов является результатом процесса криминализации нищенства (и в целом маргинального поведения), начавшегося еще в петровское царствование и продолжившегося после перерыва на елизаветинское царствование в правление Екатерины II. Екатерининское законодательство, как известно, ушло от жестких норм петровских инструкций и артикулов: в нем не встречаются формы жестоких наказаний (например, «нещадное битье» батогами). Вместо них в борьбе с «праздношатающимися» законодательство прибегает к рекрутчине, принудительному труду, ссылке, отправке к месту проживания (записи в подушный оклад)¹⁵. Эволюция в этом направлении наказаний за праздность, попрошайничество и другое «недостойное» поведение характерна для системы санкций в раннее Новое время: в XVI в. в европейских городах также отмечают замену физического наказания (порки) принудительными работами в целях перевоспитания, а не унижения. Власти старались наказывать за мелкие правонарушения, например, за сексуальные, как можно более незаметно, чтобы не опозорить человека навсегда, поскольку публичное наказание прелюбодеев приводило к исключению их из корпораций (гильдий и цехов)¹⁶.

учреждений); *Власов П.В.* Обитель милосердия. М., 1991. Подробно история открытия Екатерининской богадельни, работного и смирительного домов описана в: *Молнар В.* Исторический очерк императорского Екатерининского богадельного дома и заведений приказа общественного призрения, получивших свое начало в стенах здания богадельни. М., 1888.

¹⁵ *Lindenmeyr A.* Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996. P. 36.

¹⁶ *Стюарт К.* Позорная шуба, или Непреднамеренные эффекты социального дисциплинирования // История и антропология: Междисциплинарные исследования на рубеже XX – XXI веков / Под ред. М. Крома, Д. Сзбиана, Г. Альгази. СПб., 2006. С. 225–264, здесь С. 256. В западноевропейском контексте эта проблема была связана с концепцией «чести» и ее «осквернения» физическим наказанием, однако проблема личного достоинства, репутации и чести имеет некоторые особенности применительно к России до Нового времени. См. об этом: *Коселева О.Е.* «Честь» и «порука» – гаранты доверия в России Средневековья и эпохи Просвещения // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert Nr. 2 (2009). Режим доступа: http://www.perspectiviana.net/content/publikationen/vortraege-moskau/koseleva_ehre, свободный (дата обращения 09.02.2014).

Одна из первых попыток занять маргинальные элементы производительным трудом отмечается в инструкции генерал-полицмейстеру Петербурга 1718 г.: определять в работу «гулящих и слоняющихся людей», а также нищих, «буде от оных кто работу сработать может»¹⁷. В том же году в законодательстве впервые упоминается работный дом для женщин — прядильный — и принудительные работы для малолетних бродяг: пойманных второй и последующий раз нищих приказывалось «бить на площади кнутом, послать в каторжную работу, а баб в шингаус, а ребят бить батоги и посылать на суконный двор и к прочим мануфактурам»¹⁸. Эта норма повторяется в законодательстве до середины XVIII в. При Петре пытались организовать мастерские из женских монастырей, для чего были выписаны из Голландии монахини, знавшие прядильное производство. Однако существовали эти учреждения весьма непродолжительное время¹⁹.

Использовать в работу «бродящих» правительство пыталось и в 1730-е гг., в период роста нищенства, связанного с целой чередой голодных лет: беглых, годных в службу, отправляли в солдаты и в матросы с зачетом землевладельцам за рекрута; уже наказанных однажды холостых — на каторжные и другие казенные работы, а женатых — «в работу» в Оренбург и на другие казенные заводы²⁰. «Праздношатающихся» «женска пола» по сенатскому указу 1762 г. следовало отправлять из полиции временно на мануфактуры; по возвращении же мужей, отдавать им²¹. Законодательство о работных домах в России вновь появляется при Екатерине II в результате усвоения западноевропейского камералистского учения, взявшего за основу многолетнюю, еще

¹⁷ ПСЗРИ 1. Т. 5. № 3203.

¹⁸ Там же. № 3213.

¹⁹ Прыков И. Нищие на святой Руси. М., 1862. С. 88–89; ПСЗРИ 1. Т. 11. № 8224: «прядильных домов не было, и ныне нет» (с. 236).

²⁰ ПСЗРИ 1. Т. 9. № 7041 (28 августа 1736); Т. 9. № 8209 (25 августа 1740).

²¹ ПСЗРИ 1. Т. 15. № 11485: Об отсылке приводимых в полицию женскаго полу людей в Мануфактур-коллегию и Камер-Контору, для распределения их на фабрики, а престарелых в богадельни.

средневековую, практику исправительного труда²². В труде немецкого философа Иоганна Генриха Готтлиба Юсти (1717–1771) *Основания силы и благосостояния царств*, оказавшем значительное влияние на законотворчество императрицы²³, устройству работных домов посвящена отдельная книга. Молодые и здоровые нищие, писал он, извиняются тем, что не могут найти себе работы. Поэтому долг государя и общества требует того, чтобы давать и доставлять им ту самую работу, на недостаток которой они жалуются²⁴. Согласно Учреждению о губерниях, создававшийся в каждой губернии приказ общественного призрения надзирал в том числе за работными и смирительными домами (гл. XXV)²⁵. Ст. 390–391 Учреждения разделяли между собой эти виды исправительных учреждений: в первый следовало принимать тех, кто не имеет пропитания, «убогих обоего пола» людей, которые «добровольно туда приходят», чтобы получить работу («каменья пилить... готовить лен, или прясть, и тому подобное») (ст. 390). Эта норма, предполагавшая приход в «закрытое» учреждение «сознательного» бедняка, встречается в российском законодательстве впервые и имеет своим источником, вероятно, европейскую систему помощи и характерное для нее представление о «достойных» бедных²⁶. Напротив, назначение смирительных домов, как они описаны в Учреждении 1775 г., заимствовано из пет-

²² О городской бедности и способах борьбы с ней см.: *Munck T. Seventeenth Century Europe: State, Conflict and the Social Order in Europe 1598–1700*. Basingstoke, 1989. P. 181–198; *Jütte R. Obrigkeithliche Armenfürsorge in deutschen Reichsstädten der frühen Neuzeit: Städtisches Armenwesen in Frankfurt am Main und Köln*. Köln; Wien: Böhlau, 1984.

²³ См. об этом: *Лавринович М.Б.* Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762–1796): Дисс. ... канд. истор. наук. М.: РГУ, 2001.

²⁴ *Юсти И.Г.Г.* Основания силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. СПб., 1772. Ч. 1. С. 732–759.

²⁵ ПСЗРИ 1. Т. 20. № 14392.

²⁶ Литература по этому вопросу довольно обширна. См., напр., классическую обзорную работу: *Jütte R. Poverty and Deviance in Early Modern Europe*. Cambridge, 1994. P. 158–159; *Idem.* Obrigkeithliche Armenfürsorge. S. 36–37; *Geremek B.* La pietà e la forza: Storia della miseria e della carità in Europa. 3rd

ровского Регламента Главного магистрата (1721), гл. XX *О цухтгаузах (или смиренных домах) и гошпиталях (или больницах)*²⁷: благодаря этим учреждениям общество ограждается «от многих продерзостей, добронравие повреждающих», они служат «для общего благочестия и спокойствия семей». Помещение в смиренный дом, согласно Регламенту 1721 г. и Учреждению 1775 г., было следствием не столько конкретных проступков или действий, сколько поведения: туда определяют «людей обоего пола, которые непотребного и невоздержного житья» (всего выделялось восемь категорий такого рода поведения). Время, на которое следовало туда поместить провинившегося, в Учреждении не регламентировалось, был предусмотрен даже вариант «навсегда» (ст. 391)²⁸.

Работные дома впоследствии возникают в екатеринском законодательстве годом ранее издания Устава благочиния. Однако теперь концепция их в корне отличается от той, что мы видим в Учреждении 1775 г.: из учреждений призрения они становятся учреждениями пенитенциарными. 3 апреля 1781 г. издается именной указ о заведении «рабочих домов» для наказанных за воровство, «с назначением в них работ, для пользы общей потребных». Этот указ был частью проекта созданного Екатериной с опорой на *Комментарии на английские законы* Уильяма Блэкстона Уголовного уложения. Полностью Уложение не было введено в действие, однако оказало влияние на уголовное законодательство Екатерины II в 1780-е гг. Некоторые статьи Устава благочиния представляют собой часть уложения, в том числе и классификация преступлений в ст. 269²⁹. Положения указа 1781 г. перешли в ст. 257 («Буде же кто

ed. S.I., 2003 (1st ed. 1995) (оригинальное название: *Geremek B. Litość i szubieca. Dzieje nędzy i miłosierdzia w Europie*. Warszawa, 1989).

²⁷ ПСЗРИ 1. Т. 6. № 3708. С. 301–302.

²⁸ Там же. Т. 20. № 14392.

²⁹ Бабкова Г.О. Проект «Уголовного уложения» Екатерины II и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстона. Проблема трансфера // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.): Сб. статей / Под ред. М. Муравьевой. СПб., 2011. С. 245.

в пьянстве учинил проступок или преступление без намерения: да накажется пьянства срочным воздержанием в рабочем доме.»), ст. 269 (повторяющей указ от 3 апреля 1781 г.) и ст. 273 (о «приводе» и «отводе» запрещенного товара или беспошлинном «приводе» и «отводе» ценой до 20 руб. или первые три раза) Устава благочиния. Бросается в глаза смена «*работных домов*» на «*рабочие дома*», однако неясно, связано ли это с изменением концепции. Теперь в рабочий дом отправлялись за кражу или мошенничество³⁰, подпадавшие под общее определение «воровства», на сумму до 20 руб. или совершенные в первый, второй или третий раз. За самый серьезный вид воровства — грабеж — следовала немедленная отсылка к суду. Судебному разбирательству подлежали только те дела по кражам и мошенничеству, в которых сумма ущерба превышала 20 руб., или преступление совершалось в четвертый раз³¹. Именно здесь рабочий, или рабочий, дом приобретает свою функцию (по крайней мере, в законодательстве, поскольку нет свидетельств об их деятельности до 1782 г.) — учреждения для наказания виновных в уголовных преступлениях, а не учреждения призрения для «порядочных» бедных.

О том, что рабочие дома в том виде, в каком они были заявлены в Учреждениях для управления губерний, не должны были, по идее законодателя, потерять свою функцию призрения, свидетельствует указ от 17 августа 1782 г., по которому рабочие дома в Петербурге переходили из ведомства полиции в ведомство приказа общественного призрения: «Рабочий дом, хотя и должен быть отличен образом работы от того, который по учреждениям основан для доставления пропитания неимущим; но надлежит, чтоб

³⁰ Под «мошенничеством», т.е. преступлением, которое совершали в Москве приводимые в Сысской приказ по доносам Ваньки Каина «мошенники», в середине XVIII в. подразумевалась мелкая карманная кража (См. Акельев Е.В. Социальный портрет московского «мошенника» XVIII в. С. 514.), что соответствует второй категории в указе Екатерины («кто у кого тайным образом возьмет деньги, или иное движимое имение без воли и согласия того...»: ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15147).

³¹ ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15147.

он состоял под одним надзиранием и под ведением Приказа Общественного Призрения»³² Уже вскоре, 31 января 1783 г., по результатам рассмотрения в Сенате рапортов из губерний о заведении рабочих домов по рассмотренному выше указу 3 апреля 1781 г., издается указ, подтвердивший, что «для преступников, обличенных в краже, грабеже и мошенничестве», учреждаются особого рода рабочие дома, т.е. «особые от тех», что предусмотрены ст. 380 Учреждения о губерниях (для прокормления «достойных» бедных)³³. В марте того же года Сенат предписал Новгородскому наместническому правлению «завести в Новгородском рабочем доме казенные работы для отсылаемых туда осужденных», поскольку рабочий дом, хотя в Новгороде и открыт, «но работ в сем доме никаких не заведено», осужденные отпускаются на «партикулярные работы»³⁴.

Смирительные дома с самого момента появления в законодательстве носили пенитенциарный характер, однако в Уставе благочиния по сравнению с Регламентом 1721 г. и Учреждениями 1775 г. тональность меняется: если прежде пребыванием в смирительном доме наказывались за «поведение», то теперь в отдельные статьи были вынесены проступки: пьянство (ст. 256—257) и произнесение бранных слов в публичном месте (ст. 264), из «модернизационных» нововведений — вход в отделение бани для противоположного пола (ст. 262), и в самом развернутом виде появляется «непотребство», прежде не фигурировавшее в законодательстве. Согласно Уставу 1782 г., в смирительный дом для наказания определяются те, кто делает такое поведение своим «ремеслом»: за содержание домов для «непотребства», проституцию (и пользование соответствующими услугами) и сутенерство (ст. 263)³⁵.

Обращение к материалам делопроизводства Управы благочиния позволяет соотнести законодательство и пра-

³² ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15492.

³³ Там же. № 15657.

³⁴ Там же. № 15686.

³⁵ Там же. № 15379.

воприменительную практику. В имеющихся у нас в распоряжении делах из фонда Управы благочиния за 1784—1788 и 1803—1804 гг. (выборка диктуется сохранностью документов), по которым было принято решение об отправке в смиренный и работные дома, основную массу составляют обвинения в кражах (22), в «непотребстве» (19), из них многие содержат сопутствующие обвинения в пьянстве и «праздношатании». Отметим, что обвинения в «непотребстве» распространялись не только на женщин, но и на мужчин. Таких дел, в которых фигурируют обвиняемые-мужчины, удалось обнаружить пять, из них по двум были наказаны только мужчины³⁶, в двух — и мужчина, и женщина³⁷, еще в одном деле фигурируют шесть женщин и двое мужчин, т.е. речь идет, вероятно, о публичном доме — «по найму... особых покоях»³⁸. Если в деле фигурировала пара, наказанию могли подвергнуться и мужчина, и женщина³⁹. В одном случае — сожительства иностранца Василия Гильдебранта с дворовой девкой Аксиньей Евстифеевой — о наказании последней ничего не известно. Возможно, сам владелец применил к ней какие-то санкции: согласно сенатскому указу от 1 (3) августа 1782 г., в смиренные дома запрещалось принимать тех, кто уже был наказан «за предрезности самими помещиками... на теле... за те же вины»⁴⁰. Так, в случае дворового Тараса Яковлева и солдатской жены Авдотьи Ивановой последняя была отправлена Управой в смиренный дом на две недели, в то время как Яковлев был наказан помещиком Александром Матвеевичем Нестеровым⁴¹. Устав благочиния не предусматривал обвинений ни в «прелюбодействе» (внебрачные половые отношения состоящих в браке или монашествующих), ни в «блуде»

³⁶ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1260; 356.

³⁷ Там же. Д. 1278; 598.

³⁸ Там же. Д. 797.

³⁹ Там же. Д. 1278.

⁴⁰ ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15486. В делах Управы благочиния ссылка на этот указ — от 1 августа 1782 г.

⁴¹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 598.

(половых отношениях неженатых, свободных людей⁴²). По всей вероятности, эти деяния, секуляризация которых началась с Соборного уложения 1649 г. (гл. XXII), а затем в более разработанном виде продолжилась в Артикуле воинском 1715 г. (гл. XX)⁴³, вновь выносились за рамки светского разбирательства, а наказание за них предполагалось возратить в компетенцию церкви. Отметим, что Управа четко руководствовалась буквой Устава и не предъявляла обвинений в «прелюбодеянии» или «блуде»: все были задержаны именно в «непотребстве» (однажды — «беспутном сожитии»), лишь один раз встречается дело по обвинению в «блудном житии»⁴⁴.

По делам 1784–1787 и 1803 гг., по которым в московскую управу благочиния были приведены задержанные «в непотребстве», в поле зрения попадают 23 человека — 18 женщин и 5 мужчин. Большинству из них было назначено наказание по ст. 263 Устава благочиния, т.е. смирительный дом. Основную массу приговоренных составляют солдатские или рекрутские жены — 13 человек, считая жен младших чинов (сержантскую и унтер-офицерскую). Остальные: из незамужних — две дворовые и одна фабричная девка, дочь канцеляриста и служительская дочь; из состоявших в браке — мещанская, крестьянская, аудиторская⁴⁵, фабричная жены и жена копииста. Мужчины — двое дворовых, один помещичий крестьянин, дворянской волости отставной конюх и иностранец. Таким образом, лично зависимых среди них было восемь человек (трое мужчин и пять женщин).

Большую важность имеет вопрос об их происхождении и, как следствие, географической мобильности. Дела показывают, что последняя у задержанных и приведенных

⁴² Об этом см.: *Корогодина М.В.* Исповедь в России в XIV – XIX веках: Исследования и тексты. СПб., 2006. С. 129–130.

⁴³ Об этом подробнее см.: *Ролдугина И.А.* Калининская комиссия и Калининский дом. С. 41–49.

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 356.

⁴⁵ Аудитор — должность военного юриста в военном суде (Воинский устав, гл. 50).

в Управу довольно высока. К сожалению, невозможно с точностью сказать, какая доля фигурантов этих дел Управы благочиния была укоренена в московской городской среде и имела там устойчивые связи. Очевидно, что местными жителями, по крайней мере, проживавшими долгое время в Москве со своими владельцами, являлись дворовые люди (двое мужчин и двое женщин). Точно известно, что долгое время в Москве жила дворовая девка Анна Андреева, 30-ти лет, задержанная вместе с солдатской женой Аксиньей Ивановой на гауптвахте в Кремле 30 декабря 1786 г.: она проживала в Москве у майора Шамарина, который продал ее в Орле тамошнему жителю, от которого она была отправлена «з данным ей билетом в Санктпетербург для услуг неизвестной ей х какой Госпоже Арине Казминой», и от нее с тем же билетом приехала в Москву «на свое пропитание»⁴⁶. Из Москвы родом была, если верить ее словам, дочь канцеляриста вотчинной коллегии Василия Виноградова Александра⁴⁷. Однако в своих показаниях она называла самые разные места жительства в Москве, и частные приставы в течение двух лет, с 1786 по 1788 г., просто сбились с ног в попытках найти кого-нибудь из тех, у кого она, по ее словам, снимала углы, начиная с ее мачехи. В результате Управа благочиния направила Александру в нижний надворный суд для решения вопроса о выдаче паспорта⁴⁸.

Из тех, чье происхождение известно, большая часть оказалась в Москве, прибыв из центральных губерний, как близких к Москве — Ярославской⁴⁹ и Тульской⁵⁰, так и более отдаленных: Курской⁵¹, Тамбовской (г. Темников)⁵², Воронежской⁵³ и Вологодской (г. Вологда)⁵⁴;

⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 853. Л. 3 об.—4.

⁴⁷ Там же. Д. 883.

⁴⁸ Там же. Л. 12–24 об.

⁴⁹ Там же. Д. 797. Л. 8.

⁵⁰ Там же. Оп. 3. Д. 88.

⁵¹ Там же. Л. 13 об.

⁵² Там же. Оп. 8. Д. 853. Л. 4 об.

⁵³ Там же. Д. 1279.

⁵⁴ Там же. Д. 858. Л. 2–2 об.

еще два человека были по рождению «иностранцами». Из ближней к Москве округи — Звенигородского⁵⁵ и Волоколамского⁵⁶ уездов — были родом две женщины, еще одна — из соседнего с Московской губернией Вяземского уезда⁵⁷. Из дворцовой Пахринской волости пришел в Москву конюх императорских конюшен⁵⁸, однако о его происхождении ничего не известно. Среди солдаток родившихся в Москве, не было, скорее всего, вовсе. О том, что больше других в московской среде была укорена солдатская жена Александра Петрова, свидетельствует тот факт, что в Москве проживали ее двое взрослых сыновей, один из которых был женат и служил рядовым в Московском гарнизонном полку, а другой был дворовым⁵⁹.

Документы Управы благочиния позволяют найти ответы и на самый важный и интересный вопрос: чем добывали себе пропитание эти люди, оказавшиеся в условиях относительной независимости, т.е. свободы от непосредственного надзора со стороны владельцев, приказчиков или старост (за исключением дворовых людей)? Наиболее «высокопоставленным» из всех и, действительно, свободным человеком был Василий Гильдебрант, обвинявшийся в «сманении девки». Он именовался «иностранцем», хотя, как следует из его допроса, родился в Петербурге и всегда жил в России: «Отец ево Василей Гильдебрант уроженец был голанской нации города Амстердама и из оного города вывезен он был в 1705 году в Санкт Петербург, где и жителство имел, и женился на иноземке Марье Ивановой дочери, и с нею прижил ево, Василья, а как она и отец умре, то он, Василей, жителство имел в городах Таболске и Оренбурге, а потом приехал в 757-м году сюда в Москву, где и поньне жителство имеет в 10-й части у Покровских ворот»⁶⁰.

⁵⁵ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 884. Л. 5.

⁵⁶ Там же. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Д. 1344.

⁵⁸ В Пахринской волости — царской вотчине — находились императорские конюшни, село Пахрино было центром коннозаводского дела.

⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 3. Д. 100. Л. 4 об., Л. 14–14 об.; Оп. 2. Д. 132. Л. 3–4.

⁶⁰ Там же. Оп. 8. Д. 356. Л. 6.

Гильдебранту к моменту ареста было 55 лет, и он находился в отставке, имея о «добропорядочной службе» аттестат, выданный ему Опекунским советом Воспитательного дома. Там он прослужил с 1767 г. семь лет в должности комиссара⁶¹. Сам Гильдебрант показал, что «пропитание имеет от переводу немецких писем на русской язык и у присмотру партикулярных строениев»⁶², однако это не помешало Управе согласиться с коллежским ассессором Боголюбовым, владельцем дворовой девки, определившим его в своем доносе как «праздношатающегося»⁶³.

Обычное занятие солдатских жен, как они сами показывали в допросах, — «работницы»: например, рекрутская жена Мавра Романова состояла работницей у каретного мастера Мартына Рана⁶⁴. Дворовая девка Анна Андреева «проживала в разных местах, нанимаясь к пропитанию себя у разных людей работать всякую работу»⁶⁵. Солдатская жена Татьяна Тимофеева проживала сначала в Туле, где «нанелась в работницы народного училища к учителю Филату Гаврилову с[ы]ну Покровскому, у коего и жила семь лет из черной только пищи и одежды», а затем с новым паспортом «не захотела у него Покровского жить, а поехала в Маскву и по приезде проживала у разных хозяев в работницах». Затем она переехала «к Дорогомилловскому мосту в дом, а какой не знает, ... в коем нанимала угол, а пропитание стала иметь от непотребства»⁶⁶. Работницей же состояла солдатская жена Афимья Иванова, задержанная в январе 1803 г.: сначала у сапожного мастера дворового человека Никитина, а затем у купца Джежулина «с платою по дватцати рублей в год». Однако, пропив «с товарками» «рублевик», занятый у нового хозяина в обмен на свой «билет» (т.е. пас-

⁶¹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 356. Л. 4.

⁶² Там же. Л. 6.

⁶³ Там же. Л. 3–4.

⁶⁴ Там же. Д. 595.

⁶⁵ Там же. Д. 853. Л. 4.

⁶⁶ Там же. Оп. 3. Д. 88. Л. 2 об.

порт), она «к тому купцу уже не явилась, а потом пошла к салдатам в казармы, у коих и проживала ради непотребства, а днем хаживала в питейные дома»⁶⁷.

Иногда допрашиваемые уточняли, что «мыли белье» на своих хозяев. Солдатская жена Матрена Агафонова, имевшая при себе сына 15 лет, не записанного в ее паспорте, оказавшись в Москве после скитаний, состояла в услужении у бригадира Чичерина, а затем «мывала белье» на бывшего при бригадире сержанта Дурново, а затем и проживала с ним «вместо работницы на ево, Дурново, содержания для непотребства». Также «для мытья белья» Агафонова приходила к нему в кригсрехт, куда Дурново был посажен «неизвестно по какому делу»⁶⁸. В «работницах» обращалась также и солдатская жена Анна Ключева, но «как бес пашпорту в работницах ниhto принять не хотел, то уже принуждена пойти камисариатской команды к салдатам для мытья рубашек, откуда взята полицейской командой»⁶⁹.

Другой вид занятий женщин — фабричный труд. Фабричная жена Степанида Алексеева рассказала, что проживала (и, вероятно, работала) на фабрике «содержателя Коломитина⁷⁰», а когда муж ее, матрос⁷¹ Московской адмиралтейской парусной фабрики, был отправлен в Новгород, «она при переведении той фабрики в тот Новгород от мужа своего бежала»⁷². Парусная фабрика (с 1703 г.), где был приписан муж Алексеевой, прекратила работу во время эпидемии чумы в Москве; фабри-

⁶⁷ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 89. Л. 2–3.

⁶⁸ Там же. Оп. 8. Д. 1344. Л. 2–2 об.

⁶⁹ Там же. Д. 1279. Л. 2–2 об.

⁷⁰ Шелковая фабрика Якова Коломинтинова «за Язую в приходе Никиты Мученика в 10 части», рабочих состояло на ней 13 человек. См.: Рубан В.Г. Описание императорского, столичного города Москвы, содержащее в себе: звание городских ворот каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков... собранное в 1775 году и изданное в свете для удовольствия общества... СПб., 1782. С. 138.

⁷¹ Все приписанные к Московской парусной фабрике числились матросами, поскольку фабрика принадлежала Адмиралтейству.

⁷² ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1345. Л. 5.

ку было решено закрыть, а производство возобновить в Новгороде. После постройки новой фабрики туда были перевезены зимой 1779/80 г. 90 мастеровых⁷³, по всей видимости, в их числе и муж Алексеевой (на поле листа с допросом приписка — точное указание, когда это произошло: «лет с семь»⁷⁴). В освободившихся на Стромьинке помещениях расположились Екатерининский богадельный, работный и смиренный дома (куда в результате Алексеева и отправилась). Другая фабричная, девка Марфа Яковлева, «полской нации, откудова назад тому лет двенадцать вывезена тулскаго пехотнаго полку поручиком Михаилою Ивановым в город Санкт Петербург, откудова привес ее в Москву»⁷⁵, работала на шелковой фабрике Семена Турчанинова⁷⁶. В первом случае женщина оказалась на фабрике, став женой мастерового («матроса»), а во втором случае — была отправлена на шелковую фабрику принудительно (можно предположить, что по упоминавшемуся выше указу 1762 г.) после первого срока в смиренном доме, как следует из допроса⁷⁷.

Неясно, имели ли, хотя бы когда-нибудь, занятия те, кто в своих допросах сразу показывал, что пропитание имели «от непотребства», как, например, жена вологодского мещанина Афимья Михайлова: она приехала с мужем-столяром в Москву, но когда тот уехал в Вологду за новым паспортом («откуда и поныне не приезжал»), она, беспаспортная, проживала «по бедности своей у квартирующих разных полков салдат в непотребстве, ...пропитание имела от тех же салдат»⁷⁸. В важнейшем исследова-

⁷³ См.: Мурзанова М. На московско-новгородской парусной фабрике (1696–1772–1829 г.г.) // Архив истории труда в России, выпускаемый Ученою Комиссией по исследованию истории труда в России. Петроград, 1921. Кн. 2. С. 1–2.

⁷⁴ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1345. Л. 5.

⁷⁵ Там же. Д. 1280. Л. 5.

⁷⁶ Шелковая фабрика Семена Турчанинова было довольно крупным предприятием: «каменная на Ольховице, в Покровском приходе в 11 части», рабочих было на ней 120 человек. См.: Рубан В.Г. Описание императорского, столичного города... С. 139.

⁷⁷ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1280. Л. 5.

⁷⁸ Там же. Д. 858. Л. 2–2 об.

нии немецкого историка М. Дингеса, изучающего структуры бедности в раннее Новое время, отмечается, что для женщин в городе возможности занятости ограничивались работой по дому или такими сомнительными занятиями, как мелочная торговля, стирка или трактир; именно это ущемление экономических интересов частично объясняет распространение проституции⁷⁹.

Определенно, что некоторые из арестованных женщин зарабатывали «непотребством», несмотря на то, что имели какую-то, хотя бы временную работу. О том, что такого рода заработки в этой среде были обычным делом, видно из допросов: так, Александра Петрова, приведенная в часть в первый раз за «непотребство» «допросом показала, что шед она Генваря 7го числа Новою площадь[ю], на коей попался ей неизвестно какаго звания человек по-видимому мастеровой лет 17-ти, уговаривал ее, чтоб она с ним шла пить вино, а потом и для непотребства, за что и обещал ей дать денег дватцать пять копеек, и как она согласилась»⁸⁰. Дворовая женка Дарья Ерофеева также на допросе сообщила, «что сего февраля 4го числа ходила она на Москву реку для мытья господскаго платья, откуда по подговору Воронежскаго пехотнаго полку салдата Михаила Иванова для непотребства и с платьем бежала, и привезена на нанятом Ивановым извощике в Тверскую ямскую слободу в питейной дом»⁸¹.

Это были заработки, скорее, «случайные», однако среди документов Управы есть одно дело, позволяющее составить представление о самом обычном публичном доме, каких в Москве было, вероятно, довольно много. В декабре 1786 г. пристав 5-й части забрал из дома секунд-майора Федора Федоровича Зубова шестерых женщин и двух мужчин. Согласно его рапорту, «по найму в особых покаях разнаго звания женки находятся в рас-

⁷⁹ Dinges M. Stadtmutter in Bordeaux. 1525–1675. Alltag. Politik, Mentalitäten. Bonn, 1988. S. 55.

⁸⁰ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 3. Д. 100. Л. 1.

⁸¹ Там же. Оп. 8. Д. 1277. Л. 1а.

путном житии (на полях приписано: «и в чинении разнаго звания с людми непотребства»)». Все эти женщины имели паспорта, и все, как одна, утверждали, что имеют жительство «в сей 5ой части по наиму в особом покое в доме секунд майора Федора Федоровича Зубова»⁸². Также в «особых покоях» проживал отставной конюх императорских конюшен Никандр Васильев, а крестьянин Илья Петров заявил, что якобы зашел к Марье Филипповой «за долгом, имеющемся на ней денег трех рублей, которая мне должна за арженую муку»⁸³. Одна из женщин была замужем за солдатом Московского полка, другая — за сержантом Киевского полка, «арапом», еще одна — за аудитором Ревельского карабинерного полка в чине прапорщика. 19-летняя Анна Григорьева, хотя и именуется унтер-офицерской женой, указала только отца — унтер-офицера Московского карабинерного полка⁸⁴.

Можно предположить поэтому, что последняя была родом из Москвы, в то время как указания на полки, в которых служили мужья остальных женщин, ничего не говорят об их происхождении. Чуть более ясно происхождение вдовы копииста астраханского магистрата Марьи Филипповой: паспорт ей был выписан в Астраханской губернской канцелярии⁸⁵, и из его копии, приложенной к делу, следует, что муж ее был вольноотпущенным крестьянином курского помещика⁸⁶. Судя по тому, что ей было 52 года (возраст остальных женщин колебался от 16 до 35), а также по тому, что, по словам одной из женщин, «особые покои» в доме Зубова принадлежали именно Марье Филипповой⁸⁷, она могла быть содержательницей этого притона. Точное происхождение можно установить лишь для 16-летней Дарьи Никитиной, дочери служки

⁸² ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1277. Л. 2–7.

⁸³ Там же. Оп. 8. Д. 797. Л. 8.

⁸⁴ Там же. Д. 797. Л. 2–7 об.

⁸⁵ Там же. Л. 5.

⁸⁶ Там же Л. 13 об.

⁸⁷ Там же. Л. 7.

Иосифо-Волоцкого монастыря, указавшей, что происходит она из Волоколамска, где при монастыре она состоит в подушном окладе по 4-й ревизии⁸⁸. Двое мужчин, задержанных в доме секунд-майора Зубова: Никандр Васильев сын Балабанов — конюх дворцовых конюшен Пахринской волости, отнес себя к «волноопределяющимся господским людям». Конюхом он прослужил не более двух лет — с 1782 по 1783 г., после чего был отставлен «за болезнь» и проживал с тех пор в Москве в «особых покоях» в доме Зубова. Крестьянин Илья Петров, принадлежавший вотчине поручика Волкова в Ярославском уезде, указал, что приписан там по 4-й ревизии и отпущен с паспортом «для прокормления работой» в Москву⁸⁹. Об «общем умысле» говорит тот факт, что на допросах все восемь человек говорили о происшедшем неизвестно от кого «шуме у ворот», в результате чего они и оказались в части; конюх упомянул еще и затеянную «ссору неизвестно с кем на улице»⁹⁰. О своих занятиях сообщила только одна женщина — аудиторская жена Федора Дмитриева, 35 лет: «Пропитание ж я имею, забирая разного звания людей для шитья белья и мытья онаго ж»⁹¹. Конюх Васильев, проживавший в тех же покоях, как кажется, мог выполнять роль сводника⁹².

Примечательной персоной была солдатская жена Александра Петрова, «по мужу Новикова», которой было 50 лет. Она фигурирует сразу в двух делах, сохранившихся в фонде Управы благочиния. За год, с января 1803 г. по январь 1804 г., она успела минимум трижды побывать «в приводе». К моменту первого известного нам привода в январе 1803 г. Александра Петрова не имела, вероятно, никаких занятий в городе, будучи запойной

⁸⁸ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1277. Л. 6.

⁸⁹ Там же. Д. 797. Л. 8.

⁹⁰ Там же. Л. 9–9 об.

⁹¹ Там же. Л. 7.

⁹² О сводниках, наказанных заключением в Калинкинский дом, см.: *Ролдугина И.А.* Калинкинская комиссия и Калинкинский дом. С. 70.

пьяницей и проживая в Москве уже довольно долгое время. Держаться на плаву ей позволяло то обстоятельство, что двое ее сыновей также проживали в Москве. Один из них в 1803 г. служил в Московском гарнизонном полку рядовым (в 1804 г. Петрова показала, что он живет «в главном гошпитале»⁹³) и был женат (так, одежду она, по крайней мере однажды, одолжила у своей невестки⁹⁴), а второй сын, Петр Максимов — дворовый человек, проживал у господина своего в Тверской части⁹⁵. В январе 1803 г. Петрова показала, что проживала у сына в казармах⁹⁶, однако ее невестка опровергла показания свекрови: «напредь же сего жительство она у меня не имела, а прихаживала времянно, и где жила, не знаю»⁹⁷. Тогда Петрова «в дополнение прежде учиненнаго ей допроса» сообщила, что в действительности «жительство она имела не у сына своего роднаго, находившегося в казармах Московскаго Гарнизоннаго полку салдата Дмитрия Максимова сына Новикова, а проживала по разным деревням и полола траву, и жала хлеб, а по осени, зделавшись она больною, а потому и была в больнице в Екатерининской, где и билет с ней находился, а по выздоровлении из оной вышла и шеталась днем по питейным домам, а начевать хаживала в казармы к салдатам для непотребства»⁹⁸.

Из допроса Петровой от января 1804 г. выясняется, что она пыталась все же начать «новую жизнь»: в Филиппов пост 1803 г., т.е. в ноябре, она нанялась в работницы к столяру, вольноотпущенному дворовому человеку за 19 руб. в год. Однако продержалась недолго: уже на третий день после Рождества, взяв у хозяина 4 руб. 16 коп. в обмен на свой «билет» (как утверждал столяр Матвей Михайлов, она взяла 4 руб. 50 коп., «ис коих ею

⁹³ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 132. Л. 3 об.

⁹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 100. Л. 14–14 об.

⁹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 132. Л. 3 об.

⁹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 100. Л. 3.

⁹⁷ Там же. Л. 14 об.

⁹⁸ Там же. Л. 15.

заслужено два рубля, за тем за нею остается два рубля пятьдесят копеек»⁹⁹), она отправилась сначала к сыновьям: дворовому Петру и солдату Дмитрию Максимовым. Переночевав у каждого из них, она продолжила свой путь уже по питейным домам и в результате оказалась в части, где совершила кражу тулупа у арестанта¹⁰⁰.

Крестьянская жена Домна Иванова, схваченная в 1786 г., бежала годом ранее из вотчины своего помещика Хрущова Звенигородской округи «от несносных побой», видимо, своего мужа¹⁰¹. В ее истории ничего нет о том, что она состояла где-либо «работницей»: Иванова сразу сообщает, что «жила для непотребства» у солдата Шлиссельбургского пехотного полка, пока часть не ушла из Москвы, «и после онаго шеталась по разным местам, по чему и взята в празном шетании ночными сторожами»¹⁰². Также солдатская жена Аксинья Иванова, 30-ти лет, взятая 30 декабря 1786 г. пьяной на кремлевской гауптвахте, в Москве «проживала в разных местах, а больше обращалась в прелюбодействе с разными салдатами»¹⁰³.

Со ссылкой на ст. 263 Устава благочиния (иногда с уточнением: по «3 отделению») Управа благочиния назначала обвиняемым различные сроки пребывания в смирительном доме. Почти во всех случаях приговор звучал так: «за оное непотребство для употребления в работу в [упраздненный] Андреевский монастырь»¹⁰⁴. В этом монастыре, согласно именному указу 12 августа 1775 г., находилось женское отделение работного дома «для буйных ленивцев»¹⁰⁵, и там же в 1782 г. с изданием Устава благочиния был открыт, по крайней мере формально, смирительный дом. В 1775–1777 гг. работный дом находился в ведомстве московского обер-полицмейстера

⁹⁹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 132. Л. 6.

¹⁰⁰ Там же. Л. 1, 3–3 об.

¹⁰¹ Там же. Оп. 8. Д. 884. Л. 5

¹⁰² Там же. Л. 5 об.

¹⁰³ Там же. Д. 853. Л. 4 об.

¹⁰⁴ См., напр.: Там же. Оп. 8. Д. 858. Л. 3.

¹⁰⁵ ПСЗРИ 1. Т. 20. № 14357.

Н.П. Архарова, а с 1777 г. управлялся особым советом, состоявшим из членов медицинского и административного персонала Екатерининской больницы, богаделенного и инвалидного домов. Председательствовал в совете тот же Архаров¹⁰⁶. Приговоренных к заключению Управа направляла в московский приказ общественного призрения, который принимал наказанных под расписку, имеющуюся в каждом деле. Только потом они оказывались в смиренном доме.

По букве Устава благочиния, за содержание публичного дома полагался штраф в размере 12-дневного содержания в смиренном доме и пребывание в нем до уплаты штрафа; за пользование соответствующими услугами — штраф в размере 6-дневного содержания и также заключение до его уплаты, а за непотребство-«ремесло» — собственное или вовлечение других в «непотребство» — полгода заключения в смиренном доме. Тем не менее о штрафах в приговорах за «непотребство» нигде не упоминается. Отправленным в смиренный дом было назначено: в двух случаях — по две¹⁰⁷ и в одном — три недели заключения¹⁰⁸, в 10 случаях — полгода пребывания в нем. Только в одном случае приговором был год пребывания в смиренном доме. Большинство приговоров, таким образом, по срокам соответствовали букве закона. Рассмотрим самый суровый и самые легкие из приговоров, а также те случаи, когда осужденные оставались в смиренном доме больше положенного срока.

На год «в работу в Андреевской монастырь» была отправлена в 1785 г. рекрутская жена Ирина Евдокимова, обвинявшаяся в «беспутном сожитии». Отсутствие в ее деле подробностей задержания и допроса объясняется, видимо, тем, что она была прислана в Управу из московской конторы Военной коллегии, а не была задержана

¹⁰⁶ Молнар В. Исторический очерк Императорского Екатерининского богаделенного Дома. М., 1888. С. 183.

¹⁰⁷ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 598.

¹⁰⁸ Там же. Д. 595.

частным приставом или караулом. Возможно, отягчающим обстоятельством послужила «беззаконно прижитая дочь», имевшаяся при ней¹⁰⁹. В делах, где назначалось обычное полугодовое наказание, встречаются случаи, когда наказанные пребывали в смирительном доме год и даже более. Так, фабричная девка «полской нации» Марфа Яковлева, приговоренная Управой в июне 1786 г. к полугоду работ¹¹⁰, по отбытии наказания была возвращена в Управу из приказа общественного призрения в мае 1787 г. По всей видимости, причиной ее задержки в смирительном доме было «излечение в больнице», за которое ее работодателю, шелковому фабриканту Семёну Турчанинову, причиталось уплатить приказу немалую сумму — 12 руб.¹¹¹ Будучи допрошена в части, Яковлева, утверждавшая, что ей 20 лет, сообщила, что находилась в смирительном доме два года, «да в больнице три месяца», в то время как не пробыва в доме в общей сложности и года, как следует из документов дела. По ее словам, ранее она уже успела провести там якобы целых пять лет, будучи отослана туда московским обер-полицмейстером Б.П. Островским¹¹². Очевидно, что счет времени она вела очень приблизительный, и доверять указанным ею срокам нельзя. Можно лишь утверждать, что оказаться в смирительном доме впервые она могла не ранее 1782 г. и не позже 1785 г., когда Островский был отставлен от должности и предан суду за взяточничество¹¹³.

Почти все женщины, попавшие из смирительного дома в больницу (по всей видимости, в Екатерининскую), проводили в ведомстве приказа общественного призрения больше времени, чем полагалось по приговору, и оказывались задолжавшими за лечение в больнице. Логика органов власти в государстве, где все связи между людьми

¹⁰⁹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 594. Л. 1а–2.

¹¹⁰ Там же. Д. 1280. Л. 10–10 об.

¹¹¹ Там же. Л. 1а.

¹¹² Там же. Д. 1280. Л. 5.

¹¹³ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 164.

основывались на личной зависимости или принадлежности (*domestic authority*¹¹⁴), требовала, чтобы ответственным за выплату долга был их владелец. В редких случаях, однако, человек не принадлежал никому, причем чаще это были незамужние женщины: мужчина чаще оказывался связан если не отношениями службы или личной принадлежности, то контрактом о найме. Например, канцеляристская дочь Александра Виноградова, отправленная в смирительный дом в декабре 1786 г. на полгода, освобождена в феврале 1788 г. Из приказа общественного призрения в Управу сообщали, что в смирительном доме она содержалась полгода, «а протчее время находилась она в больнице»¹¹⁵, которой задолжала 28 руб.¹¹⁶ Если в случае с фабричной девкой Марфой Яковлевой уплатить долг был обязан фабрикант Турчанинов, поскольку сама Яковлева «помянутых д[е]н[е]г платить... не в состоянии»¹¹⁷ (в связи с чем и была отправлена после долгого разбирательства из Управы в ту часть Москвы, где находилась фабрика¹¹⁸), то с Виноградовой долг пришлось списать: «за излечение ее денги ...по неимуществу ее из доимки изключены»¹¹⁹. Взыскать деньги — 24 руб. — за содержание в больнице крестьянки Домны Ивановой приказа общественного призрения собирался с ее владельца помещика Алексея Хрущова. Для этого Иванова, пробывшая в смирительном доме и больнице в общей сложности год,

¹¹⁴ *Roche D.* People of Paris: An Essay in Popular Culture in the 18th Century. Leamington; Hamburg; N.Y., 1987. P. 272.

¹¹⁵ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 883. Л. 7.

¹¹⁶ Там же. Л. 3.

¹¹⁷ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1280. Л. 6–6 об.

¹¹⁸ О местонахождении фабрики сведения расходятся: В.Г. Рубан сообщает, что фабрика Турчанинова находилась в 11-й части, в то время как сам Семен Турчанинов утверждал в допросе, что его «фабрика производством уничтожилось и находящиеся при оной фабрике женщины отосланы при сообщении на шолковую фабрику московского купца Ерофея Дудышкина, состоящую в 19 части» (Л. 4–4 об.). По сведениям Рубана, фабрика Ерофея и Козмы Дудошинных находилась в 13-й части (*Рубан В.Г.* Описание императорского, столичного города... С. 139), а отослана Яковлева была из Управы в 18-ю часть (Л. 8).

¹¹⁹ Там же. Д. 883. Л. 7.

была отослана в нижний земский суд Звенигородского уезда, где находилась вотчина ее помещика¹²⁰.

Получить деньги за пребывание в больнице приказу общественного призрения удалось, по крайней мере, за фабричную жену Степаниду Алексееву: она провела в смирительном доме по приговору Управы около полугода или немногим больше (с лета 1786 г. по январь 1787 г.). Внести эти деньги обязан был ее муж, находившийся в Новгороде, но, с другой стороны, она была работницей на фабрике, поэтому хозяин фабрики и должен был нести ответственность за Алексееву. Управа представила московскому губернскому правлению два возможных решения: отправить Алексееву к ее мужу в Новгород «со взысканием с него за излечение ее в больнице денег трех рублей» или же взыскать эти деньги с фабриканта, несмотря на то, что «Коломитин ее обратно не берет и денег платить за излечение не хочет»¹²¹. После длительной переписки Управа, получив указ губернского правления, сумела отдать Алексееву на фабрику и взыскать 3 руб. с Коломитинова, о чем к делу приложена расписка¹²².

По две и три недели пребывания в смирительном доме получили солдатская жена Авдотья Иванова, взятая с дворовым человеком Тарасом Яковлевым «в непотребстве»¹²³, и рекрутская жена Мавра Романова, служившая в работницах у каретного мастера Мартына Рана, где и «обращалась в непотребстве», а к тому же не отдала взятые у него 2 руб. 40 коп.¹²⁴ За три недели в смирительном доме ей начислили «на пищу» 81 коп., однако от «взыскания за содержание ее денег» было решено воздержаться¹²⁵. Полгода заключения в смирительном доме получила и солдатская жена Матрена Агафонова, прожившая несколько лет «вместо работницы на ево, Дурно-

¹²⁰ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 884. Л. 3–3 об.

¹²¹ Там же. Д. 1345. Л. 6 об.

¹²² Там же. Л. 7–9а.

¹²³ Там же. Д. 598. Л. 1–2 об.

¹²⁴ Там же. Д. 595. Л. 2–3 об.

¹²⁵ Там же. Л. 1а.

ва, содержания» и не оставившая своего сожителя, когда он был посажен в тюрьму (при московском кригсгерихте, откуда «означенной Дурнов хаживал к ней, в той квартире временно начевывал и чинил непотребство»)¹²⁶. В таких делах речь идет фактически о невенчаных браках, в которых состояли разнообразные московские жители. Как видно из дел, Управа не различала или не разбиралась в тонкостях: по всей видимости, в случае Матрены Агафоновой и Дурново речь идет о постоянной связи, в то время как в случае Мавры Романовой, очевидно, — о «ремесле», однако никакой градации в наказаниях нет.

Можно с уверенностью говорить о том, что практика сожительства была очень распространенной, если учесть, что в больших городах не было редкостью даже двоебрачие¹²⁷. Также и упоминавшийся Василий Гильдебрант состоял, если не в очень длительной, то постоянной связи с дворовой Аксиньей Евстифеевой. Чтобы спасти положение, он попытался использовать возможности, о которых он роду своей деятельности был хорошо осведомлен. Так, «когда приблизилось время девки родить беззаконно прижитого ребенка, научил он для сокрытия ее родов из дому моего [коллежского ассесора Боголюбова] уйти 16го августа, и приняв ее тогож числа к себе, держал ее, укрывая у себя с две недели», а когда владелец девки Боголюбов стал ее разыскивать, «то он, о том уведомясь, отпустил ее в казенную родильную, куда и сам приходил неоднократно для свидания, и передавал гостинцы». Боголюбов выдвинул Управе благочиния версию поступков Гильдебранта, исключавшую возможность личной привязанности: «Как видно все ево намерение к тому клонилось, чтоб подманя девку, скрывать ее под ложным именем, для блудодейства: то просил главную повивальную бабку отпустить ее с ним из родильной, от которой услыша противное, ушел скоро и после не являлся»¹²⁸.

¹²⁶ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1244. Л. 3.

¹²⁷ Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова. С. 188–194.

¹²⁸ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 356. Л. 5.

Дело Василия Гильдебранта — уникальный документ, свидетельствующий о том, что московские жители умели — или по крайней мере пытались — поставить себе на службу созданные властью институты, в данном случае — родильный госпиталь при Воспитательном доме. И если власть их созданием преследовала цель «размножения народа» и даже создания «новой породы людей», то обращавшиеся к этим институтам в своей повседневной жизни жители города использовали их для решения личных проблем. Обращает на себя внимание, что, хотя из первого департамента московского нижнего надворного суда было прислано решение поступить с Гильдебрантом по силе соответствующих статей Учреждений о губерниях и Устава благочиния¹²⁹, в самой Управе было решено отослать его в инвалидный дом¹³⁰. Инвалидный дом был открыт для помещения в него отставных штаб- и обер-офицеров, и к концу 1784 г. проработал уже пять полных лет¹³¹. Неясно, насколько это решение было вызвано путаницей в учреждениях, на тот момент переходивших из ведомства полиции в ведомство приказа общественного призрения. Возможно также, в данном случае помещение в инвалидный дом могло быть не наказанием, а привилегией, которую Гильдебрант получил благодаря «добропорядочной службе» (но не своему весьма необычному социальному статусу).

Еще одним исключением стал выбор наказания солдатской жене Федосье Петровой, схваченной «в побеге... от мужа ее и сносое разнаго платья и протчаго, и... в чинении с [крестьянином Рыбинской округи экономического ведомства] Вавиным непотребства». Во время следствия воровство Федосьи не подтвердили свидетели, сама она даже после увещевания священника призналась только «в непотребстве с крестьянином Вавиным», и за это была наказана по какой-то причине батогами по ст. 169

¹²⁹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 356. Л. 1.

¹³⁰ Там же. Л. 1 об.

¹³¹ ПСЗРИ 1. Т. 20. № 14859.

гл. XX Военного устава¹³², а не по Уставу благочиния. Управа распорядилась после исполнения наказания отдать ее законному мужу, однако частный пристав сообщил, что «муж ее Метлин находится в карауле в генеральном гофшпитале и на росписку взять жену свою Петрову не приходит»¹³³. После этого Петрова была отправлена в обер-комендантскую канцелярию, и больше о ней ничего не известно.

Рассмотрим теперь категорию наказанных по ст. 269 Устава благочиния — за кражу имущества на сумму до 20 руб. Наказание в работном доме за это преступление было сугубо воспитательным: отработка своим трудом суммы ущерба, к которой, согласно п. 2 ст. 269, прибавлялась дополнительная уплата 6% «тому, у кого украл». Из приговоров Управы следует, что на практике работный дом не различался со смирительным. До середины 1780-х гг., когда Екатерининская больница, работный и смирительный дома были переведены в строения упраздненной адмиралтейской парусной фабрики в ведомство приказа общественного призрения, разделения между работным и смирительным домами де-факто не существовало. Как отмечает В. Молнар, «жизнь обоих этих учреждений за все время их существования тесно была связана, а именно: оба эти заведения имели общее здание, общее управление и хозяйство, общую администрацию, и все различие между ними заключалось лишь на бумаге, где подразделялись лица, помещенные в работный дом, от лиц, присланных в смирительный дом»¹³⁴.

Так, если за «непотребство» наказанные по ст. 263 Управой направлялись именно в смирительный дом (за исключением одного наказания по Военному уставу батогами или передачи дворовых для наказания их владельцам), то в приговорах по ст. 269 значатся и смирительный, и рабочий дома, а также как вариант — отправка

¹³² ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1276. Л. 1а об.

¹³³ Там же. Л. 3.

¹³⁴ Молнар В. Исторический очерк. С. 185.

вообще в приказ общественного призрения «для зарабатывания показанного покраденного...», т.е. возмещения причиненного ущерба. Так, у вольноотпущенной вдовы дворовой женки 50-летней Марины Ивановой, состоявшей в работницах у землемерного помощника, ушло шесть с половиной месяцев на то, чтобы отработать 8 руб., в которые были оценены хозяйская «женская короткая китайчитая новая на меху овчинном» шуба, две мужские и две женские рубахи¹³⁵. В присланном из приказа общественного призрения с ней в управу сопровождающем «предложении» указывалось, что провела это время она в рабочем доме¹³⁶. Дворовая девка Марфа Митрофанова, укравшая в октябре 1764 г. в Петровских банях у вдовствующей подпоручицы «две рубашки, коим цена два рубля пятьдесят копеек, двой бумажные чулки — один рубль, два палатенца — пятьдесят копеек и платок полотняной — рубль двадцать копеек, и подвяски» на общую сумму в 5 руб. 20 коп., заработала эту сумму с процентами за десять месяцев, причем в деле дважды упоминается, что она состояла именно в смирительном доме (к содержанию ее там приговаривает Управа, и присылается она по истечении времени наказания обратно в Управу именно из смирительного дома)¹³⁷.

По указу 3 апреля 1781 г. и в соответствии со ст. 269 Устава благочиния, сумма ущерба, за который можно было избежать суда и «отделаться» помещением в работный дом, составляла не более 20 руб. В рассмотренных делах сумма ущерба по оценке Управы или приглашенных с этой целью купцов составляла от 30 коп. до 16 руб. 22 коп. Одежда — самый распространенный предмет краж. Она фигурирует в 10 делах из 12, по которым обвиняемые были отправлены на принудительную работу: бобровая шапка, оцененная в 12 руб.¹³⁸, шляпа поярковая и сапоги, оценен-

¹³⁵ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 611. Л. 5.

¹³⁶ Там же. Л. 6.

¹³⁷ Там же. Д. 367. Л. 5, 7.

¹³⁸ Там же. Д. 607.

ные в 60 коп.¹³⁹, три пары рубашек с портами¹⁴⁰, рубашки мужская и женская, вывешенные для сушки на чердаке¹⁴¹, две рубашки, чулки, платок и два полотенца из бани¹⁴², распоротый овчинный тулуп, шапка «русская плисовая», рукавицы, кушак — всего на 11 руб. 40 коп.¹⁴³, разнообразное «господское» платье и полотенца, отданные в стирку на Москву-реку дворовой женке, всего на 15 руб.¹⁴⁴, овчинный тулуп стоимостью 3 руб.¹⁴⁵, тулуп нагольный стоимостью 5 руб.¹⁴⁶, хозяйские шуба, две рубашки мужские и две женские¹⁴⁷. Исключения составляют сундук ценных и не очень мелочей, унесенный Григорием Осиповым¹⁴⁸, и две серебряные вызолоченные пуговицы, украденные бывшим пономарем Василием Андреевым¹⁴⁹.

В двух делах обвинение в краже сопровождается обвинением в непотребстве. В одном случае «непотребство» не было доказано, и приговор был вынесен только за кражу, неясно, состоявшуюся или мнимую. Московский мещанин Федотов, нанявшийся в работники «для печатания листов» у московского жителя крепостного Василия Степанова, был обвинен последним в совращении его дочери. «Для надежности» Степанов заявил, что в доме у его работников после визита Федотова «пропало их рубашек и с портами три пары»¹⁵⁰. Поскольку «блудное житие» Федотова с дочерью Степанова другие работники отказались подтвердить письменно (хотя на словах показали обратное¹⁵¹), он был наказан лишь за кражу ру-

¹³⁹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 873.

¹⁴⁰ Там же. Д. 599.

¹⁴¹ Там же. Д. 608.

¹⁴² Там же. Д. 367.

¹⁴³ Там же. Д. 604.

¹⁴⁴ Там же. Д. 1277.

¹⁴⁵ Там же. Д. 953.

¹⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 132.

¹⁴⁷ Там же. Оп. 8. Д. 611.

¹⁴⁸ Там же. Д. 609.

¹⁴⁹ Там же. Д. 603.

¹⁵⁰ Там же. Д. 599. Л. 3. Василий Степанов был крепостным П.Б. Шереметева.

¹⁵¹ Там же. Л. 1а об.

бах, в которой тоже не признался: Управа отправила его в 14-ю часть «в городовую работу впредь на неделю»¹⁵². Через восемь дней Федотов был представлен обратно в Управу, которая попыталась вернуть его Степанову «для дослужения по контракту... с роспискою». Однако Степанов отказался держать у себя Федотова¹⁵³, и еще через неделю Управа отправила московского мещанина Федотова с контрактом и паспортом на «рассмотрение» в московский магистрат¹⁵⁴. Во втором случае Дарья Ерофеева, дворовая женка 30-ти лет, отправленная на реку с господскими вещами для стирки, бежала «с платьем» «по подговору Воронежскаго пехотнаго полку салдата Михаила Иванова для непотребства». Узел с вещами унес из питейного дома солдат Василий Семенов, а Ерофеева еще около двух недель «начевывала по разным местам и постоялым дворам и иногда и под заборами». Встретив в питейном доме солдата Семенова, Ерофеева пыталась узнать о судьбе хозяйского узла с вещами, но Семенов «чинил запирательство», завязалась драка, Семенов бежал, а Ерофееву арестовали¹⁵⁵. Наказание Ерофеевой было назначено одновременно по двум статьям Устава благочиния: за «чинение непотребства» по 263-й и за кражу по 269-й: «для употребления ее в рабочем доме»¹⁵⁶.

Из этих фактов нельзя определенно заключить, рассматривала ли полиция имущественные преступления как более серьезные сравнительно с преступлениями против нравственности. Важно отметить, что из 12 имеющихся у нас дел по кражам до 20 руб., разбиравшихся в Управе благочиния в 1780-е гг., ни в одном не фигурирует солдатская жена или вдова. Если по делам о «нравственности» женщины составляют большинство среди арестованных и

¹⁵² ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 599. Л. 9 об.: «кого со оною ево дочерью заставали работники первой рас в погребе, как с нею цаловался увидел Федор Кандратьев, а в другой рас Алексей Алексеев застал в нужном месте».

¹⁵³ Там же. Л. 11 об.-12.

¹⁵⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵⁵ Там же. Д. 1277. Л. 1а-1а об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 9.

наказанных Управой благочиния, то среди наказанных за мелкие кражи их не так уж много. Основные фигуранты дел — дворовые: четверо мужчин, одна дворовая девка и две дворовые женки, одна из которых объявила себя вольноотпущенной. Интересно, что последняя, уже упоминавшаяся выше Марина Иванова, спустив 2 руб. хозяйских денег, а затем украв у хозяев четыре рубахи и продав их на Неглинной за 1 руб. 20 коп. вместе с бывшей на ней хозяйской шубой, скрывалась на «господском дворе»¹⁵⁷, т.е. у своего бывшего владельца камер-юнкера Зиновьева. У него, вернее, у его дворни, она проживала долго: с сентября до конца декабря 1785 г., и только переехав к сестре, через неделю уже попала в поле зрения полиции¹⁵⁸. Наоборот, один из пойманных дворовых оказался бывшим пономарем из Переславль-Залесского уезда, записавшимся в дворовые «по желанию» в том же уезде в вотчине капитана Бекетова. Будучи отпущен своим владельцем с паспортом «для прокормления работой в розные росские города», в Москве он нанялся в Сретенский монастырь вновь «в пономарскую должность». Однажды, запирая церковь, он не удержался и украл две серебряные позолоченные пуговицы¹⁵⁹, оцененные в 30 коп.¹⁶⁰

Также среди фигурантов дел есть один находившийся в услужении человек «полской нации», один экономический крестьянин, и трое мужчин-мещан — вяземский и двое московских. Случай с Григорием Осиповым, «полской нации», социальный статус которого неясен, косвенно свидетельствует о том, что наказание принудительным трудом в исправительном доме, если и не выполняло своего прямого назначения, то, по крайней мере, имело очень серьезное эмоциональное воздействие. Григорий Осипов, 30-ти лет, родом из Риги, показывал: «назат тому лет 19ть из онаго города привезен сюда в Москву госпожей

¹⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 611. Л. 4 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 1а об.

¹⁵⁹ Там же. Д. 603. Л. 2.

¹⁶⁰ Там же. Л. 5.

полковницей Анной Даниловной Башмаковой, у которой и жительство имел здесь в Москве, а прошлаго 784го года мая м[еся]ца, а котораго числа не упомяну, от оной госпожи отошел», получил паспорт в нижнем надворном суде и жил в Москве (из всего рассказанного им род его занятий остается неясным). Однажды, «напившись пьян» в питейном доме, он зашел в дом графа Толстого к знакомой дворовой девке, взял в людской закрытый на замок сундук «и со двора ушел, и отошед от онога двора, у Мясницких ворот оной сундук разломал и выбрал из него, что во оным имелось, завязал в свой платок, а сундук бросил». Перечень вынесенного в сундуке¹⁶¹ впечатляет: служитель дома графа Толстого утверждал, что сумма «покраденного» составляет 198 руб.¹⁶² Однако призванный для оценки московский купец Скрепков снизил цену каждой вещи от 2 до 40 раз, и оценил кражу, таким образом, лишь в 16 руб. 22 коп.¹⁶³, что спасло Осипова от уголовного суда. Управа отослала Осипова для установления личности в нижний надворный суд, откуда он, уже как Иозев, был отдан обратно управе с тем, чтобы отправить его в рабочий дом «ради зарабатывания показанной по оценке суммы»¹⁶⁴. Принятый в приказе общественного призрения 13 октября 1785 г., он был возвращен в управу 12 мая 1786 г. с рапортом от смотрителя инвалидного дома, «что оной за учиненную им кражу подлежащее число денег с процентами в пользу рабочего дома заработал», однако оказался должным 6 руб. за лечение в больнице¹⁶⁵. Когда приказ общественного призрения предложил возвратить его обратно на работу, пока он не заработает «издерженных за излечение денег», то «поляк Иозиф показанное число денег шесть рублей в управу взнес» в

¹⁶¹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 606. Л. 3–3 об., 5 об.–7: здесь и «пряшки шлифные со стразами», и «цепочка от часов», и «пряжичка серебряная» и т.д.

¹⁶² Там же. Оп.8. Д. 609. Л. 5.

¹⁶³ Там же. Л. 7.

¹⁶⁴ Там же. Л. 11 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 14.

тот же день¹⁶⁶. Очевидно, перспектива вновь оказаться в работном доме заставила его немедленно найти возможность внести эти деньги. Неясно, почему тогда приказ не применил полутора годами позже этот же метод давления на канцеляристскую дочь Александру Виноградову или фабричную Марфу Яковлеву, а списал долг в первом случае, а во втором просто сбыл женщину с рук, отправив в часть по месту нахождения фабрики.

Приведенная в управу «в безчувственном пьянстве» за «непотребство» в январе 1803 г. Александра Петрова Новикова была отправлена на полгода в смирительный дом, о чем уже шла речь выше, однако уже 19 июня того же года оказалась в приводе в управе из Тверской части за кражу почтовой бумаги с золотым обрезом из лавки¹⁶⁷. В допросе она указала, что в смирительном доме действительно побывала, но какое именно время, неизвестно¹⁶⁸. Очевидно по датам, что своего полугодичного срока она не отбыла. Украденный у серпуховского купца 61 лист бумаги с золотым обрезом был оценен в 1 руб.¹⁶⁹, за что Петрова была отправлена на этот раз в рабочий дом, а уже через месяц оттуда выпущена, отработав стоимость украденного (с процентами или нет — в своем «предложении», посланном с Петровой в управу, приказ общественного призрения не сообщил)¹⁷⁰. Через год после первого известного нам привода в часть, в январе 1804 г., мы находим Петрову «во время начевания в тюрьме» вновь в Мясницкой части, где она «ночью с Лазарева тихим образом сняла старой нагольной тулуп, оцененной в пять рублей, и оный надела на себя под юпку и шугай¹⁷¹»¹⁷². Дворовый человек Лазарев, взятый накануне пьяным со

¹⁶⁶ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 609. Л. 15.

¹⁶⁷ Там же. Оп. 3. Д. 100. Л. 20.

¹⁶⁸ Там же. Л. 22.

¹⁶⁹ Там же. Л. 23.

¹⁷⁰ Там же. Л. 26–27.

¹⁷¹ Шугай – род короткого мужского армяка. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866. Т. 4. СПб., 1866.

¹⁷² ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 132. Л. 1.

своими товарищами в часть, позвал для розысков тулупа частного пристава, который «обыскивая колодников нашел [тулуп] у колодницы салдатской женки, ...надетой на ней под юпкою и шугаю»¹⁷³. На допросе о краже тулупа Петрова показала, что была в смиренном доме в течение месяца за кражу бумаги¹⁷⁴, а о предшествовавшем этой краже полугодовом наказании за «непотребство» не упомянула вовсе. Управа вновь приговорила ее к заключению в рабочем доме для отработки стоимости украденного тулупа в пользу приказа общественного призрения. О процентах в пользу потерпевшего не упомянуто, возможно, потому, что Лазарев получил тулуп назад¹⁷⁵.

Постоянное движение населения — характерная черта раннего Нового времени¹⁷⁶, вызванная структурными изменениями, которые несет за собой модернизация. Исследование дел Московской управы благочиния показывает, что формы социальной стратификации конца XVIII—начала XIX в. уже не отражали многообразия действительности: повседневная жизнь и занятия части горожан заставляли их выходить за формальные границы отведенного им социального, географического и даже временного пространства. Эти изменения выразились как в маргинализации новых социальных групп, например, в воровском сообществе Москвы¹⁷⁷, так и в росте уровня криминализованности традиционных социальных групп, например, дворовых, как показано во второй части нашей работы.

Впрочем, думается, что в Москве, как и в России в целом, нашли отражение явления, характерные для европейского раннего Нового времени¹⁷⁸. В XVII в. с рас-

¹⁷³ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 132. Л. 2 об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 4.

¹⁷⁵ Там же. Л. 15.

¹⁷⁶ Danker U. Räuberbanden im Alten Reich um 1700. Ein Beitrag zur Geschichte von Herrschaft und Kriminalität in der frühen Neuzeit. Frankfurt/M., 1988. S. 358.

¹⁷⁷ Акельев Е.В. Социальный портрет московского «мошенника» XVIII в. С. 518.

¹⁷⁸ Особая социально-правовая ситуация, сложившаяся в связи с появлением категории «солдатских / рекрутских жен», описана: Щербинин П.П. Военный

пространением армий нового типа в Европе появляются массы отставных или дезертировавших солдат, становящихся «новыми бедными». По некоторым подсчетам, они составляли до четверти бедных и существенную часть участников банд. Так, например, в Пруссии-Бранденбурге на рубеже XVII–XVIII вв. солдаты с женами и детьми составляли около 5% всего населения¹⁷⁹. Похожие процессы происходили и в России в XVIII столетии¹⁸⁰.

Социальная структура усложнялась и, если и продолжала описываться в старых определениях, то уже не соответствовала им в реальности. Усложнение экономики было вызвано не только военными нуждами: спрос на относительную роскошь со стороны дворян вел к росту числа фабрик, в первую очередь — шелковых, использовавших полусвободный труд, а это меняло структуру городского населения. Московских фабричных мы видим и в воровской среде¹⁸¹, и среди наказанных за «непотребство». Большинство людей, согласно документам Управы благочиния, пришли в Москву на заработки или, как солдатские жены, надолго задержались в городе в поисках пропитания. Это постоянное движение населения не могло оставить власти равнодушными. Между тем, как на документах по истории Парижа подметил Даниэль Рош, полицейский надзор, стремившийся охватить каждое действие и идентифицировать каждого индивида, оказывается фикцией, позволяющей накапливаться потоку коллективного беспорядка (*disorder*)¹⁸².

В качестве ответа на все социальные изменения власти усиливают контроль за трудом и за нравственностью.

фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.

¹⁷⁹ Danker U. Rauberbanden im Alten Reich um 1700. S. 357.

¹⁸⁰ Особая социально-правовая ситуация, сложившаяся в связи с появлением категории «солдатских / рекрутских жен», описана: Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной...

¹⁸¹ См.: Акельев Е.В. Социальный портрет московского «мошенника» XVIII в. С. 515.

¹⁸² Roche D. The People of Paris. P. 271.

Сходные реакции властей обнаруживаются и на Западе, и на Востоке Европы. Труд становится не только обязанностью простолюдинов, но и мерой наказания, и наказание *трудо*м назначается не только за праздность, но и для пресечения внешних проявлений безнравственного образа жизни. Подобную политику городских властей в Париже XVIII в. Д. Рош описал как стремление «зафиксировать простой народ в неподвижном состоянии во времени и пространстве» (*immobilising the popular classes in time and space*), когда религия, экономика и нравственная проповедь — все работало на борьбу с праздностью, а труд становился цивилизующей силой и наградой в одно и то же время¹⁸³. В Москве, как и в Париже, полиция также в XVIII в. усиливает преследование «праздношатающих» и сопровождающих его пьянство и «непотребство». Соразмерный способ наказать эту «праздность» принудительным *трудо*м и привел к исследовавшимся здесь практикам заключения и содержания в работных и смиренных домах.

¹⁸³ Roche D. The People of Paris. P. 272.